

Странник

Автор:

[Андрей Круз](#)

Странник

Андрей Круз

Мария Круз

На пороге Тьмы #4

Миров бесконечно много, они живут, они развиваются, они умирают, а в умирающие приходит Тьма. И в такие миры начинают проваливаться люди: кто случайно, а кто, как выясняется, нет. Но большинству обитателей таких миров не до размышлений о сложности мироустройства: они выживают и пытаются построить себе даже на фоне наступающей Тьмы нормальную жизнь. Или хотя бы похожую на нормальную. Как могут, как умеют.

Андрей Круз, Мария Круз

Странник

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Пролог

– Восемь месяцев? Там даже шести минут не прошло до того, как я зашел обратно в сарай и меня забросило сюда. – У меня аж голос сел от удивления.

Казалось бы, пора уже привыкнуть к странным изгибам времени, на которые я посмотрелся с момента первого своего «провала», но это легко сказать, а сделать уже намного труднее, потому что сознание некоторые вещи начисто отказывается перерабатывать. Не принимает процессор.

– Восемь месяцев. – Настя повернулась ко мне, опираясь на локоть, а потом дважды показала четыре отставленных пальца. – Восемь. И как видишь, я за это время многое успела. – Она с заметной гордостью усмехнулась и протянула руку за бутылкой минералки, стоящей на тумбочке с моей стороны. – Дай попить.

Я протянул ей бутылку, и она сделала несколько больших глотков прямо из горлышка. Пила быстро и даже жадно, с треском сжимая пластиковую емкость, а капля воды, сорвавшись, упала на ее обнаженную грудь, и я почему-то уставился именно на нее, быстро загадав «стечет – не стечет». Чуть продержавшись на месте, капля стекла вниз, оставив на нежной коже тонкую блестящую дорожку. Настя ее не почувствовала.

– Ну да, ты теперь там дама в авторитете, – не удержался я от того, чтобы не прокомментировать. – Ты у них всей авиацией командуешь, что ли?

– Не всей, даже вообще ничем не командую, но летающих людей по пальцам можно пересчитать. – Она поставила бутылку на тумбочку у кровати. – Так что да, особо ценный член экспедиции.

В номере отеля было слегка прохладно, но все же не холодно, мы даже отопление выкрутили на минимум. Через зарешеченное окно доносилась музыка из бара «Оксидентал Салун» – кантри, разумеется, – а какая-то гомонливая компания топталась на улице у входа в отель, не торопясь перебраться под

защиту его стен. Хотя в темноте никто теперь по улицам гулять не любил. Впрочем, Баффало с этой точки зрения пока был городом довольно безопасным, Тьма сюда проникла слабо, есть в округе места куда хуже. Но окон без решеток в городке уже не встретишь.

Мы оба были утомленными, скорее даже обессиленными, – и счастливыми. По-настоящему счастливыми, бесконечно тонущими в этом своем счастье. Для кого-то из нас расставание длилось меньше, для кого-то больше, но даже день его был мучителен и пуст. Только сейчас, лежа с ней в постели, я понял, как же мне ее все это время не хватало. Как будто части самого себя лишился, а теперь обрел эту часть вновь, стал целым.

И пришло ощущение нового этапа в жизни, опять. Ощущения того, что тебе опять надо строить все планы заново, с нуля, потому что все старые уже ни на что не годятся. Или их просто не существовало. У меня ведь был всего один план – найти Настю. И вот я ее нашел. А теперь надо думать уже над планами, во множественном числе. Над тем, как нам дальше жить уже вдвоем. Как выживать, потому что к этому миру слово «жить» применяется пока плохо, жизнь здесь больше напоминает именно выживание. Или можно заменить его все же на «жизнь»? Получится у нас?

– Ждала тебя в доме, потом поняла, что сразу за мной ты из сарая не выпадешь, – продолжала между тем рассказывать она. – Решила, что тебя закинуло куда-то совсем в другое место, и перспективы встретиться у нас... сам понимаешь. Но... в общем, все же оставила записку.

– Это было самым лучшим твоим решением, – я откинулся на подушку, закинув руки за голову. – Иначе... иначе я бы с ума сошел, наверное, гадая.

– Мне кажется, что я почувствовала, как ты появился... в этом мире. Просто почувствовала – и все.

– Ты теперь только это чувствуешь?

Вопрос был со вторым смыслом – если она чувствует, то поймет его.

– Нет, – усмехнулась она. – Я тебя поняла. Еще чувствую тварей. Пусть не слишком издалека, но чувствую. Ты тоже?

– Я тоже. Думаю, что мы как-то изменились во время прохода.

– Или что-то подцепили, – усмехнулась она.

– Предпочитаю думать, что изменились, – засмеялся я. – Слово «подцепили» как-то не те ассоциации включает. Тем более в постели и после секса...

– Это у тебя просто воображение испорченное. – Она предупреждающе подняла палец.

– Может быть, – закивал я сразу же с готовностью. – И как ты дальше? Ну в смысле когда попала сюда?

– Да ничего сложного для меня и не было. Разве что запах местами, – она вздохнула, оставив бутылку чая на тумбочку со своей стороны кровати. – Нашла... её документы... – она тоже запнулась на упоминании своего «дубля», погибшего в этом мире, явно не зная, как назвать, и остановившись на нейтральном «она», – узнала, что есть самолет. Добыла карту, добралась до аэродрома, нашла там нужный ангар, а в нем самолет. Затем полетела на Денвер и услышала передачу на «сто двадцать один и пять» от «мобильного центра», тогда еще самого первого. И свернула на Шайенн, где они тогда расположились.

– Шайенн – это город или гора в Колорадо? Где ядерное убежище и все такое? – вспомнил я прочитанное когда-то.

– Шайенн, что в Вайоминге, городок такой, – уточнила Настя, – захолустье вроде этого самого Баффало. Вот и все, собственно.

– А мне Баффало нравится, – сказал я, почти обидевшись на слово «захолустье». – Всю жизнь мечтал жить в таком вот спокойном городе посреди всякой природы и прочего. Правда, не в мире после Эпидемии, – добавил следом. А что за «мобильный центр»?

– В общем, это радиостанция и все к ней прилегающее, – взялась она объяснять. – Чужие пытались и пытаются искать таких же, как они сами. Ведут передачи на всех возможных частотах, ставят плакаты на дорогах, рассылают

патрули. Вот к самому первому такому центру я и прилетела. Люди уже заметили, что их становится больше, и те, кто поумнее, постарались всех объединить. Теперь их кто-то переименовал в FOB – «передовые оперативные базы»[1 - В оригинале – forward operational base. – Здесь и далее примеч. авт.].

– И то, что ты не приехала, а прилетела...

– ...И сделало меня очень нужной и важной, – не дала она мне закончить фразы. – И даже ты, хоть и летаешь ты еле-еле, тоже будешь нужен.

– А знаю, – кивнул я, немного загордившись. – В Канзасе я уже успел поработать пилотом, и, кстати, на мои умения, драгоценная моя, никто ни разу не жаловался.

Вот так, знай наших.

– На безрыбье... – пожала она плечами. – Кстати, спасибо, что на людях ты меня Настей не зовешь[2 - Nasty (Нэсти) – отвратительный, омерзительный (англ.)].

– Ну я вроде бы знаю язык, – засмеялся я. – Достаточно, чтобы понимать, чего делать не следует.

– В Колд-Лэйке меня уже зовут Энис, – пояснила она.

– От Энэстейша, так?

– Верно. Так что сдерживайся. Не забывай.

Опять предупреждающе вздетый указательный палец.

– Ну так уже, – подтвердил я усвоение ценного указания. – Кстати, я голоден, как... тварь Тьмы, наверное. Которая из самого наглухо запертого подвала, откуда ей никак не выбраться.

– Ты всегда после... гм... этого дела голоден, – засмеялась она, ткнув мне пальцем в живот. – Как-то быстро ты калории расходуешь.

– Стараюсь, – сказал я скромно.

– Я почувствовала, – она вновь засмеялась, затем спросила: – Ну и где ты рассчитываешь что-то получить в это время? И стоит шляться ночью?

– Шляться? С ума сошла? – картинно удивился я, придвигаясь к ней. – Некогда шляться, нам делом надо заниматься, ты вон восемь месяцев без... ну ты поняла. Даже больше. И калорий пока осталось. А мы в отеле, здесь, я думаю, те же сэндвичи и что-то попить можно круглосуточно заказывать. Или из бара принесут, например. Кстати, успеем еще разок, пока принесут.

Я придвинулся еще ближе, но Настя толкнула меня ладонью в грудь.

– Надо сначала позвонить и заказать, – объяснила она. – А потом успевать. А если сначала успевать, то успеешь наверняка, и даже не один раз, если сможешь, но ничего не принесут. Подумай об этом. Это называется «логика».

– Думай ты, мне некогда. И отстань со своей логикой, не до нее мне сейчас.

Но все же потянулся к телефону, потому что она вообще-то права. И есть все же хочется.

Часть первая

В Монтану

1

С того ночного разговора прошло две недели. «Официальной Баффало», или как там правильно называть власть новой Территории Вайоминг, все же отправил прилетевших с Настей специалистов и своих на аэродром в Коди. Сначала туда выехали люди во главе с самим командиром местного ополчения Мартенсеном –

высоким, худым и плечистым мужиком с длинной лошадиной физиономией, – которые определили место базирования и подготовили его.

Остальные, к числу которых я отнес и себя, прилетели прямо на аэродром позже, когда все было готово. Причем к команде присоединилось еще трое чужих из тех, что дожидались «райда»[3 - Ride – в данном случае употреблено в смысле «подвезти», «оказия».] в Баффало, – маленького роста скуластая женщина мексиканского происхождения, жившая раньше в Калифорнии и работавшая с авиационной электроникой в какой-то сервисной компании, молодой парень-механик, хоть и не авиационный, но заверивший, что все, что сделано из железа, ему посильно после некоторой подготовки, и полицейский-канадец, провалившийся в этот мир в уборной своего дома в Ванкувере, но оказавшийся в Айдахо. Он взялся за обеспечение безопасности работ.

Вылетели мы с Настей, бывшей, понятное дело, за пилота. И пилотировала она сейчас двухвинтовой ярко-желтый самолет, который называла «Твин Оттером». Не знаю как кто, но я о таком раньше и не слышал. Не слишком большой, но и не совсем маленький, который даже с виду был каким-то... черт знает как правильно выразиться. Уместным. Таким, какой сейчас и нужен. Грубым, простым и прочным с виду, вызывающим доверие с первого взгляда. Посмотришь на такой – и сразу вспоминается книга «Записки полярного летчика».

– Полярный, с очень коротким взлетом и посадкой, крепкий и надежный, лучше не придумаешь, – так она отрекомендовала свою машину, заодно подтвердив все мои предположения и ассоциации. – На нем не страшно куда угодно лететь. Двадцать человек, или две с половиной тонны груза.

– У меня нет две тонны груза, – прикинулся я сиротой, пристраиваясь на месте второго пилота. – У меня вообще ничего нет.

– У тебя есть я.

– Да, теперь ты у меня снова есть, – вынужден был я согласиться.

В салон «оттера» тогда набилось человек десять, еще столько же вылетало следом вторым самолетом. Шестеро, считая меня, были «чужими», как в этом почти умершем мире называли тех, кто провалился сквозь прорехи мироздания

из миров других, а остальные были местными, из тех выживших, что осели на территории штата Вайоминг, привлеченные новой независимостью от федерального правительства. Теперь они должны были организовывать новую авиацию штата Вайоминг, пусть из того, что удастся «настервятничать» на брошенных и опустевших аэродромах.

Вообще уже знакомая картина, примерно с такого же эпизода началась моя жизнь в Канзасе, откуда я сбежал. На самолете, который стоит, наверное, по сей момент на аэродроме Рапид-Сити. Жаль, кстати, хороший самолетик – пусть маленький, зато летит далеко и садится где угодно.

Впрочем, там, в Коди, я уже занимался привычным для себя делом – осматривал окрестности с воздуха. Правда, теперь не на «фоксбэте», а на самолетике чуть покрупнее, называвшемся «Эвиэт Хаски» – простеньком моноплане с высоким крылом и на больших «тундровых» дутиках, который производили здесь же, в Вайоминге, в городке Эфтон, что на границе с Айдахо.

Самолет впечатлял. Нет, не внешним видом – тут скорее все было наоборот, ничего выдающегося. И размеры у него были куда как скромными – лишь чуть-чуть длиннее семи метров, и в размахе крыльев самолет едва перевалил за десять, но вот именно способности его вызывали уважение. Мог взлететь с разбегом в двести футов, то есть в шестьдесят метров, и сесть на полосе длиной в триста пятьдесят, то есть чуть длиннее ста двадцати, мог пролететь восемьсот миль, да еще со скоростью в сто тридцать миль в час, или в сто тринадцать узлов, мог нести двух человек и еще под полста кило груза, а еще можно было снять заднее кресло и нести полтора центнера – в общем, хоть куда самолетик, разве что внешне выглядел так, словно его до Второй Мировой придумали. А если точнее, то это отчасти подражание древнему «Пайперу Каб», которому никому и ничего доказывать уже не надо. Хотя по документам это самый современный из всех поршневого самолетов в Америке и даже сертифицирован для ночных полетов.

Самолет этот обнаружила на аэродроме в Коди лично Настя, после чего идея о том, как меня правильно использовать с пользой для общества, созрела автоматически. Причем сразу у всех, включая меня самого. Машину требовали у местных вроде как в уплату за помощь, и теперь я крутился на ней над окрестными дорогами, выискивая признаки возможных угроз, заодно повышая свои умения, особенно в части посадки этого маленького самолета на дороги и поля. И даже без аварий обходился, несмотря на постоянные ветры. Привык к

ней, в общем, причем быстро, потому что в управлении она, по ощущениям, показалась не сложнее велосипеда.

Единственное, что было очень непривычным, – схема с задним колесом, от которой вроде бы давно все отказались. Но как раз мне, с моей недавней практикой на По-2, это оказалось вполне привычным. Тем более что при такой компоновке винт при посадке куда дальше от земли, самолет лучше маневрирует при рулежке, а уж для взлета-посадки в чистом поле это вообще идеальная схема: с передним колесом куда больше риска кувыркнуться на какой-нибудь кочке или ямке.

Даже когда в кабине сидело двое, а баки были заполнены под крышку, самолет легко набирал высоту, легче и быстрее, чем обещал мануал, а баланс машины был настолько идеальным, что даже я, со своим почти что никаким летным опытом, ощущал его таковым. Машина легко приземлялась на два колеса на семидесяти милях в час и точно так же стабильно присаживалась на все три точки на пятидесяти, чуть спарашютировав, что позволяло посадить ее вообще на поле размером с купальное полотенце или даже меньше.

В общем, летал постоянно, ловя себя на том, что делаю это все с удовольствием. Пару раз специально проходил над вусмерть «затемненным» Грейбуллом, убеждаясь в том, что он забит тварями, но по окрестностям они все же разбредались неактивно. Возможно, до нас было слишком далеко и добычи они не чувствовали. А вот я их как-то ощущал, если опускал самолет ниже. Может, даже и не их, а «окно», откуда они выходили. Что-то было такое в этом городке, что хватало ледяной рукой за сердце каждый раз, как я к нему приближался.

Самым трудным для меня оказалось определять ветер при посадках в незнакомом месте. Самолет легкий, тащит и раскачивает его заметно, так что ветер – опасность номер один. Но тоже как-то приспособился, глядя на траву, кусты, сдуваемую пыль.

Весна в Вайоминге немножко странная: вроде и солнце все время, причем заметно припекающее, и в то же время не разденешься – ветер резкий и холодный. Любой свитер продувается им насквозь, так что без куртки не обойдешься. И при этом под солнцем все равно жарко. И все равно холодно. Вот как хочешь, так и понимай. А ветер почти все время дует, недаром я видел с воздуха так много «электроветряков». Один из чужих, механик Мэл Буш, был родом как раз из Вайоминга, разве что из другого слоя действительности, и он

мне объяснил это изобилие ветряков очень просто:

– Федеральное правительство давало кучу льгот за «чистую энергию», даже компенсируя владельцам налогами стоимость турбин. Заодно обязывая электрокомпании энергию от них покупать. Поэтому те, кто похитрее, ставили эти турбины и зарабатывали на ветре, причем мухлевали во всем, собирая чуть не металлолом и получая компенсации как за новые, и всякое такое. При этом никакой пользы, кроме вреда, от такой энергии нет, ветер дует сам по себе, вовсе не тогда, когда надо электросетям, и не стихает, когда избыток энергии не нужен. Поэтому она все больше сжигается впустую, но деньги на счет капают. К тому же от турбин шум, они пугают птиц... В общем, не знаю, как в этом слое, но у нас там ситуация здорово напряглась.

Аэропорт в Коди, понятное дело, продувается насквозь во всех направлениях, пространство открытое. Плоская как стол равнина, горы на горизонте – уже по своему привычный пейзаж. В Боулдере, что в штате Колорадо, все было примерно так же. Разве что устроились мы с большим, чем тогда, комфортом – не в терминале на раскладушках, а в жилых трейлерах, выстроившихся на обнесенной колючкой площадке, бывшей стоянке прокатной компании. Трейлеры устроители лагеря притащили сюда из Каспера, размародерив тамошний «дилершип». В комплекте с трейлерами шел большой генератор на грузовике, в результате чего у всех был свет и все прочие радости обладания электроснабжением, ну и газовых баллонов для кухонь завезли вволю, благо штат Вайоминг, как относительно недавно выяснилось, богат и нефтью, и газом, в этом никакого дефицита нет.

В общем, разместились мы и удобно, и безопасно – подступы к стоянке осветили фонарями и прожекторами, на ночь все наглухо закрывалось, а пробраться через высокие колючие стенки у тварей покуда не получалось. Да и охрану к нам приставили, пусть небольшую, но все же – восемь бойцов национальной гвардии штата на двух «хамвиках» с пулеметами «Ма Дьюс» в поворотных «собачьих будках». Днем, пока люди работали, они патрулировали территорию аэродрома, а ночью дежурили внутри периметра. Ну а я за всем этим с неба приглядывал, откуда мне видно все, ну, когда погода летная.

А охрана – это важно, в эти края и банды с «индейской территории» добирались, и в самом Коди Тьма местами корни пустила. Пусть и не так, как в Грейбулле, что неподалеку, в котором меня недавно чуть не сожрали, но все же твари появлялись время от времени. Хоть и безуспешно: они даже к периметру

опасались приближаться, словно чуя неминуемую свою гибель.

Вообще мы торчали в Коди в командировке, по договору между чужими и Вайомингом, но для меня это был словно очередной медовый месяц. Именно в Вайоминге, в Баффало, я все же нашел Настю. Или она меня нашла, это уж как посмотреть. Или нашлась. Или я нашелся. Да какая разница, кто там где нашелся? Зато у нас теперь был трейлер на двоих. Нормальный такой двадцатичетырехфутовый трейлер с кухней в торце, неким подобием гостиной, спальней, туалетом и душевой – живи сколько хочешь, радуйся тому, что все вот так сложилось.

Странно, что на правильное проведение медового месяца у нас с Настей вообще оставались хоть какие-то силы. Работали с утра до вечера, даже ели все вместе только один раз, когда спускалась темнота и все уходили в здание терминала. А так все больше сэндвичи в коробках с собой носили.

Хоть и появился я в этой компании вроде бы со стороны местных, но быстро примкнул к чужим, как-то начав считать своими именно их. И это не из-за Насти, точнее – не только из-за нее. Главная причина была в другом: мы действительно этому миру чужие. Как называют нас, так оно и есть, зря так не прозовут. И чужие не только потому, что мы не отсюда, а еще потому, что никому из нас, провалившихся сюда сквозь тайные двери Тьмы, не довелось хоронить свою семью, умершую от энцефалита, вызванного прошедшей по миру Суперкорью, и не было у нас на душе именно таких шрамов. Глубоких, кровоточащих, страшных.

Да, были непонятность, потерянность, беспокойство, расставание со своими и страх за них – но это другое, все другое. А что касается меня, так я еще, в отличие от всех остальных чужих, знал. Знал, что ничего не случилось там, откуда я исчез. И меня даже хватиться не успели. Тогда, раньше, по крайней мере. Она, та, с которой я там жил, может быть, до сих пор собирается жарить котлеты и еще не дошла от холодильника до плиты. Время описывает петли, и если за это время в моей жизни были и страх, и кровь, и смерть, и дружба, и любовь, – там не произошло ничего.

И еще я знал, что на самом деле не оставил за спиной ничего такого, о потере чего следовало сожалеть по-настоящему. Ничего настоящего. И именно поэтому с местными мне было трудно, я ощущал себя словно бы каким-то мошенником, обманувшим судьбу и смерть, в то время как всем остальным сделать этого не

удалось. Так что да, мне было проще с чужими.

И все равно, несмотря на кошмар происходящего вокруг, на зрелище почти вымершего и разрушенного мира, у меня здесь отсутствовало ощущение той безнадеги, которое постоянно висело над душой в Отстойнике, там, откуда мы вырвались. Не знаю почему, могу только предполагать. Может быть, потому, что это был пусть и почти погибший мир, но естественный, что ли, не оторвавшийся слой действительности, и это как-то ощущалось. А может, и просто потому, что здесь было намного удобней жить, а я этого осознать не могу и в результате философию развожу на пустом месте. Сравнить даже этот временный трейлер с той квартиркой, в которой мы жили в Углегорске, – ну никак нельзя. Небо и земля, «два мира – две системы», не знаю как еще все это назвать.

И не было там, в Углегорске, ни музыки, ни фильмов, ни каких-то еще развлечений, кроме старых книг, и не было у меня там возможности, как сейчас, лежать на кушетке, закинув ноги на поручень, и тыкать пальцем в планшет, пытаюсь ярким шариком сбивать другие шарики такого же цвета, которые лопались с чпокающим звуком, а мне за это набегали какие-то очки и бонусы. Не мог вставить в лэптоп диск и пересмотреть фильм, не мог воткнуть крошечный айпод в стерео и слушать кантри, например. Ничего такого не мог. А вот здесь могу, попутно наблюдая за тем, как Настя поджаривает хлеб в тостере. А тостеров там тоже не было. Ничего там не было. А здесь есть.

Странно, как многое меняют в нашей жизни все эти мелочи. Особенно если ты к ним привык. И когда вдруг их лишаешься, тебе становится плохо и неудобно. Но вроде бы привыкаешь, человек ко всему привыкает, наверное. Я вот привык там, откуда мы сюда попали, и даже перестал скучать почти по всему, кроме теплых салонов машин, с чем в Отстойнике с его антикварной техникой были проблемы. А когда обретаешь их вновь, понимаешь, как же их не хватало. Впрочем, в моей «натуральной» действительности всех этих айподов и планшетов еще не было. Так что на самом деле не знаю, насколько мне их не хватало.

Впрочем, не провалился я в первый раз в тот самый Отстойник, не встретил бы Настю, а скучно жил бы в своем доме с нелюбимой, в общем-то, женщиной, занимаясь нелюбимой опять же работой. А теперь... а теперь жизнь впервые обрела настоящий смысл. Нет, смысл не в выживании, это уже попутно, это так сложилось, смысл – в ней. В Насте. В Энис, если угодно, раз уж мы в англоязычном окружении теперь и так ее здесь зовут. Э-нис... никак не привыкну.

– Кофе будешь?

Это как раз Энис. Энэстейша, значит. Не Настя, а то некрасиво может получиться.

Кофеварка уже жужжала, проталкивая через стальной фильтр темную струйку эспрессо и заполняя весь трейлер невообразимым, божественным, прекрасным ароматом. Кофе в Отстойнике не было, поэтому здесь, теперь, я его пью даже вечером, перед сном, и никакой бессонницей не страдаю. Раньше бы такое у меня не прокатило, а сейчас никаких проблем со сном. В награду, наверное. А кофеварку, к слову, добыл я сам из перевернутой фуры с подобным товаром, возле которой почти случайно посадил свою «лайку» на шоссе. Присел просто для практики, потом подумал – дай, мол, гляну, что там за коробки рассыпаны, и раз – нашел такую вот полезную вещь. До этого на кухне была обычная американская, с бумажными фильтрами, наливающая в чашки не кофе, а нелепую и глупую пародию на него.

– Буду, – сказал я решительно, опуская ноги и садясь.

Там, в Отстойнике, еще ковровых покрытий не было. Тех самых, по которым приятно пройти босиком и от которых не мерзнут босые ноги. Мелочи, нас окружают тысячи мелочей, улучшающих нашу жизнь, а мы их в силу привычки не замечаем. Мне сразу вспоминается дощатый пол нашей квартирке, покрашенный бурой, мерзкого вида половой краской. Как в моем детстве, если дальше вспоминать, – тогда полы только ею и красили. Не зря же она называлась именно «половой», без всякого сексуального подтекста.

– Ты как, живой?

Имеется в виду то, что у меня сегодня было два вылета, полноценный рабочий день от темна и до темна. Причем летал подолгу, поэтому как садился – сразу бежал в уборную чуть не вприпрыжку.

– Да нормально, привык уже.

– Тебе практики чем больше, тем лучше.

Ну да, а то я не знаю. Но вообще она права, я свои летные «скиллз»[4 - Skills – навыки, умения (англ.)] за эти две недели очень сильно улучшил. А мне ведь скоро дальний одиночный перелет предстоит, так что лишними они точно не будут. Закончим здесь, свернемся – и в Монтану, в Грейт-Фоллз, а это четыреста километров. Нет, я на такие дистанции летал и вроде бы даже без особых проблем, и сейчас летаю, если учитывать те расстояния, что я накручиваю над окрестностями Коди, но случаи всякие бывают, так что... собственно говоря, вынужденная посадка как раз и является самой большой проблемой из возможных, так что ее я все больше и отрабатываю сейчас. И вообще Монтана не то место, где хочется сесть на вынужденную: это «индейская территория». И если бы только «индейцы» создавали там проблемы.

Сама Настя в Грейт-Фоллз слетать успела, перекинув туда груз каких-то запчастей к самолетам и несколько человек из местных. Утром улетела, вечером вернулась. Все же самолет, как ни крути, он транспорт быстрый, даже такой вот винтовой. Впрочем, реактивные теперь и не летают нигде, кроме Анклавов – уцелевшей территории Соединенных Штатов Америки, да и там не слишком часто: не хватает летчиков и обслуживающего персонала, со всякой наземной электроникой проблемы, так что там тоже все больше винтовые и турбовинтовые стараются использовать.

– Там жить-то хоть можно, в Грейт-Фоллзах этих? – поинтересовался я как-то.

– Тоже в трейлерах, – пожала она голыми плечами. – Нормально.

Разговор, как у нас обычно получалось, происходил в постели. Днем друг друга не видели, с утра сразу бежали на работу, а зато вечером, вернувшись... про медовый месяц я упоминал, он был как раз в самом разгаре, так что по возвращении в трейлер мы прямо к нему и приступали. А потом, после всего, уже и на разговоры тянет.

– Но мы же там сменами, так что вернемся туда, досидим смену – и улетим в Колд-Лэйк, а там у меня дом хороший, у самого озера, тебе понравится. – Она перевернулась на живот, потянувшись и положив подбородок на руки. – В окно с утра выглянуть – просто наслаждение. Вода, сосны, тишина... хорошая такая тишина, знаешь, какая бывает там, где люди живут.

– Не как в Углегорске? – Я нагнулся и поцеловал ее в копчик.

– Нет, не как там, – засмеялась она, отмахнувшись и заехав мне по затылку. – И кровать там кла-а-асная! Тебе точно понравится.

Чужие, которых собралось в одном месте уже несколько десятков тысяч, обосновались в Канаде, разумно расположившись подальше от Анклавов, и, в общем, умнее выдумать и не могли, потому что сразу получили в свое распоряжение и плодородные земли провинции Альберта, откуда в свое время потоком шло в СССР зерно, и «битумные пески» возле Колд-Лэйка – неисчерпаемый источник нефти, благодаря которой анклав чужих не боялся зимних холодов. В общем-то вся уцелевшая цивилизация, насколько я понял, вокруг таких вот источников и расположилась. Нефть осталась кровью цивилизации.

Настя жила в городке Колд-Лэйк, той его части, что расположена на берегу озера. Была еще новая часть города возле большого аэродрома, где раньше была база канадских ВВС и где теперь, на остатках ее бывшего величия, существовала авиация анклава, однако Настя предпочитала ездить на работу дальше, но жить у воды. Хотя бы в память о том факте, что порождения Тьмы всегда боялись проточной воды.

– Там вообще-то здорово, честно, – говорила она. – Город очистили, тварей мало, заходят редко, озеро огромное, летом купаться можно запросто, а так... не знаю, что там тебе надо?

– А с бандами как?

– Банды... банды бывают, да. Раньше было тихо, говорят, а теперь они почувствовали, что там что-то можно взять, появились проблемы. Но отбиваемся – все же нас больше, и базы канадской армии не все вывезли или взорвали, многое нам досталось. Не больше проблем, чем в Отстойнике, разве что жизнь лучше.

– Хотя бы это радует.

Жизнь теперь лучше, верно. А в общем, все как везде. Как в Канзасе было, как здесь, в Вайоминге. В Анклавах, говорят, безопасно, но нам в Анклавы нельзя. Совсем. Нас там как почетных доноров используют, особо не спрашивая на это никакого согласия. Это, кстати, для обитателей анклава чужих тоже пока новая

информация, которую я еще никому не раскрывал. И пока не знаю, кому и как ее раскрывать.

Работа на аэродроме шла по плану, самолет за самолетом «вставал на крыло» и перебирался на аэродром Баффало, который быстро стал тесноват для такого скопления. Затем целый конвой грузовиков нагрузили всевозможными запчастями и прочим полезным имуществом и отправили его следом, заодно прицепив к машинам жилые трейлеры. И последние из нас, кроме меня, погрузились в «Твин Оттер», после чего самолет покинул бетон полосы в Коди. А следом взлетела моя бело-оранжевая «лайка», окончательно освободив место от человеческого присутствия.

2

В Баффало мы провели всего пару дней по возвращении из Коди. Провели их с Настей вдвоем, лениво и задумчиво, гуляя по городку, обедая в местных закусочных и проводя вечера в барах. Съездили в «Шесть бревен», где я познакомил Настю с теми людьми, которые помогли мне освоиться здесь. Насколько они стали мне близки? Намного, пожалуй. Пусть мы и не так уж долго знакомы, но Бад сделал мне много доброго, с Джо мы убегали от почти неминуемой гибели и вместе уцелели – это связывает людей. Бад был с женой, которую звали Мел, бармен Эрни кормил оленьими стейками, от которых Настя пришла в восторг. Сидели за длинной самодельной стойкой, пили пиво в большом количестве. Мы даже напились слегка и решили то ли ночевать в трейлере, который Бад выделил мне под жилье, когда я нанялся ему в помощники, то ли просто я показывал место, даже не знаю сейчас.

– Романтично, – резюмировала Настя, осмотрев трейлер изнутри.

– Здесь жили работники с ранчо, пока они... пока здесь были работники, – объяснил я. – Мне это место обходилось в доллар за ночь, дешевле отеля.

– И ты правда ремонтировал изгороди?

– Очень недолго, – усмехнулся я. – Потом мы поехали за сеном, и... продолжение истории ты уже слышала.

– Это да, верно, слышала. Кстати, как мы будем спать? Тут все кровати одноместные. Ты об этом думал?

– И верно, – сознался я. – Как-то не очень думал. Одноместные ни на что не годятся, и сдвинуть их толком не получится. Поехали в отель? Черт, все равно ведь никто не остановит и не проверит уровень алкоголя в крови, торможу я что-то.

– Тебя это только сейчас начало удивлять? – съехидничала она.

В общем, уехали в город.

Дальше были всякие хозяйственные хлопоты, в результате которых мне удалось пристроить добытый совсем недавно в Каспере «фораннер» – совсем новый, который я утащил с дилерской стоянки, возвращаясь вместе с Джо – «ранч-рукой»[5 - Ranchhand – всего лишь «помощник на ранчо» (англ.).] Бада из той самой на редкость неудачной поездки за сеном, о какой как раз и шла речь, в результате которой мы чуть не лишились головы и обзавелись парой автомобилей. Один из них – большой пикап с бронезащитой в кузове и пулеметом на вертлюге – я отдал, себе же по пути прихватил куда более проходимый и экономичный японский внедорожник. И хотя Настя убеждала меня в том, что он мне точно не понадобится, просто бросить или отдать я его уже не мог, потому что так выходило, что зря рисковал башкой. Но взять с собой не получалось, я летел на «лайке» и машину в багаж никак было не упаковать.

Помог все тот же Бад, просто предложив поставить авто в один из его сараев и отдав мне ключи от навесного замка. В общем, тут бы и разговаривать было не о чем, но все же история с машиной вылилась для меня в некую дополнительную прибыль. Пулемет, тот самый, что помог нам отбиться от толпы тварей в Грейбулле, перешел в руки местных оружейников, они изъявили желание как-то со мной за него рассчитаться, и когда мы с Настей заехали в «Спорт и Наживку», я еще довольно удачно сторговал трофейный укороченный FAL.

Не просто так все это сторговал, потому что взамен мне досталась винтовка «марк-одиннадцать» – новенькая, в крепком добротном кейсе, в котором кроме

нее самой нашлись сошки «харрис», прицел «Льюполд марк 4», еще прицел – компактный «ред дот», стоящий с наклоном, длинный глушитель, четыре двадцатизарядных и четыре десятизарядных магазина, причем к каждому магазину прилагался еще и подсумок «молли», который можно было цеплять на разгрузку. Набор для чистки и прочее можно и не упоминать.

– Военная модель, – пояснил продавец, – ею даже «нэйви силз»[6 - «Морские котики» – подразделения специального назначения ВМФ США.] пользуются, тебе понравится.

Она мне уже понравилась, потому что повторяла ту самую концепцию самообороны, которую я реализовал со своим охотничьим «ремингтоном»: винтовка марксмана[7 - Снайпер в составе подразделения. Отличается от обычного снайпера тем, что действует в интересах и по задачам подразделения. Обычно использует самозарядную винтовку повышенной кучности, рассчитанную на меньшую дальность поражения, чем винтовка снайпера.], с которой ты можешь эффективно вести бой с группой противников, вооруженных обычными автоматами, с такой дистанции, при которой их огонь становится уже неэффективен. Магазины от «ремингтона», к слову, тоже отлично подошли к новому оружию – они ведь изначально были под триста восьмой калибр.

В общем, я на следующий день новое оружие пристрелял, немного удивившись отличной кучности, меньше чем в половину «минуты», затем пристрелял ее уже с глушителем, с обычными патронами, не сабсониками, от которых все равно никакого толку. Однако звук снижался сильно, а вот траектория полета пули – не очень. На палец, поправки даже можно не брать, если по силуэту. Что и требовалось. А дистанция в восемьсот ярдов оказалась очень даже рабочей, то есть оружие вполне снайперское с правильными патронами.

Мануал мне подсказал, что громкость выстрела снижается на тридцать децибел, а учитывая то, что ослабление звука считается «по кубу», это делает оружие на дистанции эффективного применения все равно бесшумным. Если незаглушенный выстрел будет слышен и с пары километров, и с большей дистанции на ровном месте, то сниженного на тридцать децибел уже и на пяти сотнях не услышишь. А на тех же восьми сотнях пуля будет прилетать и вовсе ниоткуда. К тому же глушитель полностью убивает вспышку от выстрела, так что обнаружение позиции стрелка становится нелегкой задачей для кого угодно. У нас такую концепцию пытались реализовать, насколько я помню, с винтовкой СВУ – кастрированной СВД, – но, как всегда в последние годы,

налажали. А идея здравая, надо было до ума доводить.

Прицел не очень соответствовал моей концепции «единой винтовки для всего», но мой трехкратный «баррис» тоже никуда не делся, маленький «ред дот» вполне позволял стрелять из нее сблизи, да и Мартенсен, который, собственно говоря, эту винтовку мне сосватал и присутствовал в магазине, сказал:

– Я в Песочнице и Стане[8 - Так североамериканцы именуют Афганистан либо иной «...стан».] пересекался с «дельтами» и «нэйви силз», так вот могу сказать: у них почти каждый носит «марк-одиннадцать». И при этом тащит еще и что-то короткое для обороны позиции, часто «эм-пи-пять» с глушителем, а еще пистолет с глушителем в кобуре и еще один в рюкзаке – тоже с глушителем, но двадцать второго калибра, обычно «ругер».

Ну да, кашу маслом не испортишь. Разве только все это масло на себе далеко не унесешь. Но к сведению принял и даже потосковал по легкому и хватистому PDW, который оставил в Канзасе. Тут в продаже подобного ничего не было.

В общем, я очень поблагодарил Мартенсена за помощь, забрал кейс с винтовкой и унес, позже сложив свой «ремингтон» в багажник «фораннера» со всеми патронами двести сорок третьего. Пусть будет. Пусть так и лежит. Подумав, докинул туда трофейный «кимбер» со всеми патронами – вроде как комплект получился.

Затем мы с Настей попали на большое барбекю в мотеле «Супер 8 Баффало», где жили чужие, которые и устроили по поводу «воссоединения» что-то вроде банкета. Мяса натрескался, а вот пил очень мало, потому что на следующее утро мы вылетели в Грейт-Фоллз, что в Монтане.

Еще едва начинало рассветать, как мы приехали на аэродром и я уселся в кабину «лайки», закончив предполетный осмотр. Настя на «Твин Оттере» вылетала позже. У нее и машина заметно быстрее, и случись со мной что, ее самолет вполне сможет принять от меня сигнал бедствия, а маршрут мы согласовали до мелочи. А с первыми лучами поднимающегося из-за горизонта солнца я взлетел.

За ночь на холоде давление в мягких дутиках упало и при рулежке был слышен стук, да и вибрация ощущалась – колеса «отстоялись» на одном месте,

образовав вмятины. Но быстро прогрелись, и когда я разгонял машину для взлета, вибрации исчезли. А затем и шуршание покрышек смолкло, ушло вниз с поверхностью взлетной полосы, с окружающими ее газонами, ангарами, стоящими плотными рядами самолетами. Точно, расширять аэродром надо, вон сколько сюда натащили.

Разглядел и оранжевый с красными полосами «твин оттер», возле которого суетились люди, заканчивающие погрузку. Ему тоже скоро вылетать, вот и готовятся.

Набирая высоту, «лайка» постепенно легла на линию курса, обозначенную на экране «гармина», и пошла по ней. Обороты перескочили на пятьдесят пять процентов, и самолет, развивая сто десять узлов, пошел над штатом Вайоминг – его холмами, заросшими желтой травой, серыми лентами дорог, лесами, ранчо и фермами. Пропеллер расплылся в прозрачный круг, перемалывая лопастями встречный ветер, ветер посвистывал в растяжках под крылом. Но слышно было все же больше мотор, который гроыхал как в жестяном ведре, так что спасали от шума только массивные наушники, под которыми, к слову, все время потели уши.

Самолет прошел над баром «Шесть бревен», и я даже покачал крыльями, хоть на меня оттуда никто и не смотрел, и вообще все спали еще, наверное, прошел над сараем, где Бад поставил на сохранение мою «тойоту», над опустевшей фермой Джонсонов, той самой, что Бад недавно предлагал мне забрать и там хозяйствовать, как будто я это умею делать. Увидел я сверху груженный рулонами сена грузовик, что сразу вызвало не самые приятные воспоминания о недавних приключениях, а потом земля стала пустынной – такой, в какую она превратилась после Эпидемии.

А впереди по курсу лежал штат Монтана – все больше «индейская территория» в наше время, населенная пусть и немногочисленными, но злобными и агрессивными бандами, большая часть членов которых еще была и сильно не в себе из-за синдрома возвратного бешенства, RRS. Люди с синдромом были подвержены вспышкам немотивированной агрессии, часто выливавшейся в крайне кровавые формы, и способов бороться с этим было ровно два: или получать инъекции сыворотки, или... или убивать до того, как тебя «сорвет с катушек». Большинство людей с синдромом предпочитало вакцину и нормальную жизнь, но кто-то нашел свои радости и в кровавых «цирках», предпочитая ловить и потрошить живых людей. И говорят, что для

«синдромников» это становилось хуже наркотика.

Судя по тому, что мне уже довелось увидеть, в это верить можно.

Безоговорочно. Такие вот... адаптанты, как подобных, только уже совсем ушедших на темную сторону, называли в Отстойнике. «Лезвия», «отверженные», «дети Тьмы», «живодеры» – о каких только бандах не рассказал мне депюти Поплавски, крутящихся к северу от Вайоминга. Они дерутся друг с другом, устраивают набеги, ловят выживших, убивая или превращая в рабов, – в общем, все прелести постапокалиптического жилья из плохого кино превратились в реальность. Хорошо что не везде хотя бы.

Так что перспектива вынужденной посадки на территории Монтаны не слишком вдохновляла. Поэтому я держал поближе новенькую винтовку, заряженную пустоголовыми охотничьими патронами: на новые времена все ограничения и конвенции не распространяются. Да и не военный я вовсе, что мне все эти конвенции? Так что пусть будут такие патроны, которые не оставляют подранков, а если ранят, то только тяжело.

Впрочем, во время двух третей полета даже само понятие «вынужденная посадка» выглядело фантастическим – подо мной тянулись сплошные горы, а те дороги, что вели через них, были такими узкими и извилистыми, что не оставляли никакой надежды на успешную посадку самолета. Так что я время от времени вспоминал встроенный парашют «фоксбэта», который в случае неприятностей мог аккуратно опустить тебя на землю вместе с самолетом. Ну или относительно аккуратно. Хотя и перспектива приземления на парашюте тоже представлялась очень сомнительной.

В горах было пусто, ни людей я там не видел, ни машин. А вот после гор, когда самолет пошел над равнинами, какие-то признаки жизни появились. Немного, но все же несколько машин на дорогах я видел. Что за машины, кто в них и куда катил – понятия не имею, летел высоко и снижаться не собирался.

Монтана вообще не слишком заселенный штат, что очень заметно с воздуха, к тому же он намного больше соседнего Вайоминга, так что с момента пересечения границы и до самого Грейт-Фоллза я видел внизу разве что очень редкие ранчо и фермы, причем даже разглядеть, есть ли на них какие-то признаки жизни, не смог. Видел время от времени пасущихся коров и лошадей, но были ли это одичавшие животные или кто-то их выпустил пастись – опять же ни малейшего представления не имею. Внизу была пустота, бескрайняя и

бесконечная пустота, что-то похожее можно видеть в Сибири ближе к Алтаю, там тоже вот так – поля и горы, горы и поля, если ехать, например, на машине из Барнаула в Новокузнецк.

Первый город, который появился на горизонте, как раз и был Грейт-Фоллз. Такой... вроде Баффало, чуть подросшего, или опять же Гарден-Сити, разве что Грейт-Фоллз был рассечен рекой Миссури на две неравные половины. А так все те же одноэтажные дома, застройка без экономии места, потому что Великие Американские Равнины были именно великими и просторными.

Город даже с воздуха выглядел каким-то пыльным и явно заброшенным. Солнце давно встало, утро уже вступило в свои права, и в голубом небе ни единого облачка, так что видно все было до самого горизонта. Справа по ходу я разглядел большой аэродром базы ВВС Малмстром, пустынный и неподвижный, а слева был городской аэропорт, на который и вела меня синяя линия курса.

– Эф-Оу-Би Фоллз, здесь «Хаски-один», как принимаете? – запросил я землю.

Ответили почти мгновенно, нас ждали:

– «Хаски-один», здесь Оу-Пи Фоллз, принимаем чисто. Как долетели?

– Эф-Оу-Би Фоллз, долетел штатно, запрашиваю разрешение на посадку.

– «Хаски-один», разрешение дано.

Ну и спасибо, что дано. Заодно с разрешением дали курс на заход. По навигатору, разумеется, наземные службы аэропорта здесь работали в крайне ограниченном режиме, откликнулись – и все, и на том спасибо. Но посадить машину было несложно – полоса длинная, широкая, бетонная и гладкая, видимость такая, что лучше не придумаешь. Даже боковой ветер едва чувствовался – так, чуть-чуть покачивал. Поэтому сажал я машину на скорости, на два колеса, коснувшись полосы так нежно и гладко, что сам поразился – как это так у меня получилось? Но получилось – и хорошо, было бы куда неприличней, если бы я «закозлил» при посадке, вроде как заранее создав себе здесь репутацию неумехи. А в «умехи» мне все же еще рановато, наверное.

Справа от меня потянулись ангары и строения базы авиакрыла Национальной гвардии Монтаны, перед которыми в рядок вытянулось несколько сгоревших остовов боевых самолетов – явно последствие уничтожения всей тяжелой техники, что федералы не могли увезти с собой, отступая в Анклавы, или, как это называли официально, – на Федеральную территорию. Затем было здание терминала, стоянки, забитые машинами, частично огороженные остатки лагеря FEMA[9 - Служба типа нашего МЧС.], а уже потом я разглядел длинное-длинное сборное здание сортировочного центра UPS[10 - Служба грузовых перевозок.], с огромной бетонированной площадью перед ним, куда, как сказал голос по радио, мне и было нужно. Когда я подкатил ближе, откуда-то из-за угла навстречу выехал защитного цвета немецкий G-wagen, который мигнул мне фарами, развернулся и поехал впереди, указывая дорогу.

– «Хаски-один», потом сам будешь свое место искать, – слышался молодой женский голос в наушниках.

– Принял, – ответил я нейтрально.

Ближе к терминалу я заметил пулеметные гнезда из армированных мешков с землей, пустые, правда, выложенные, наверное, на случай тревоги, изгороди из витой колючки между ними, еще «джи-ваген» в укрытии, причем с пулеметной башней на крыше. Это все из наследства местной национальной гвардии? Сомневаюсь, что-то я у американцев такого не видел. Из Канады пригнали, наверное. До Канады отсюда, в общем-то, не больше двух сотен километров.

Стоянка самолета была тоже прикрыта с трех сторон рядами огромных, перемещаемых краном мешков с землей и гравием. Опасаются обстрела откуда-то? По-иному такую конструкцию не объяснишь. А вообще обстреливать это место будет сложно, тут до ближайших строений в любую сторону... да метров пятьсот, наверное, а так с иных направлений и вовсе скрытно на дистанцию выстрела хотя бы из снайперской винтовки не подойдешь особо. Разве что из пассажирского терминала или из некоторых строений базы национальной гвардии.

Кроме того, множество больших мешков выстроено рядами вдоль стен ангара, местами так и в два яруса, прикрывая все от того же гипотетического обстрела его содержимое, а на углах крыши выложены укрытия для наблюдателей. И наблюдатель в одном из них, к слову, сейчас на месте – вижу округлый военный шлем в камуфляжном чехле.

Прижавшись виском к боковому стеклу, я пытался разглядеть путь перед собой, который в немалой степени загромождал задравшийся капот, но все же на указанное место вырулил. Опять же спасибо практике на По-2 – там вообще на рулежке не видно ни черта. Выжал тормоза, заглушил хорошо потрудившийся за время полета движок.

Все, я на новом месте. Где, как мне кажется, начнется новый этап жизни. Ощущение у меня такое, предчувствие. Предвкушение даже, может быть. Волнуюсь почему-то, хотя по логике здесь, среди чужих, я вроде бы даже среди своих, такой вот парадокс.

Когда пропеллер «лайки» остановился, наступила тишина. Даже постукивание дизеля близко подъехавшего «джи-вагена» воспринималось как ее часть, настолько уже слух привык к постоянному гудению авиационного «лайкаминга».

Снял наушники и, вытащив носовой платок, с облегчением вытер уши – за несколько часов полета под плотно прилегающими чашками они сильно вспотели. Повернув рукоятку, толкнул дверцу справа. Верхняя ее часть поднялась к высокому крылу, а нижняя откинулась, давая возможность хоть и не слишком быстро, но все же выбраться из кабины. Хорошо хоть кресла в этом самолете удобные, даже задницу не отсидел за время полета. А вот выбираться из «фоксбэта» было намного удобней.

Солнечно, причем солнце довольно сильно греет. И яркое оно, солнце это самое, я даже под темными очками сощурился. Ветерок по лицу, откуда-то запахом костра вроде как несет. Тишина еще сильнее навалилась после того, как заглох двигатель «джи-вагена». Вообще тихим мир теперь стал, в иное время человеческому шуму даже радуешься – все какой-то признак жизни. Очень тихий, даже по-нехорошему, наверное.

Как-то сразу стало под солнцем жарко, я расстегнул «молнию» на камуфляжной охотничьей куртке, в которой так и предпочитал ходить с тех пор, как нашел ее в своем доме. Огляделся. Обратил внимание на выросшую по сторонам от взлетной полосы траву. Наверное, ее раньше стригли там, а потом перестали. А может, и нет. Но сейчас высокая и сухая.

Из остановившейся машины вышла молодая рыжая, стриженная под «солдата Джейн» девушка в прямоугольных очках, как-то некстати напомнившая мне

Люси из Гарден-Сити. Правда, эта была моложе, с виду так лет двадцать, не больше. Одета она была в «компьютерный», или, как тут, оказывается, его называли, – цифровой камуфляж, состоявший из смеси черных, зеленых и салатových угловатых пятен, обута в серо-зеленые высокие ботинки-берцы. На рукаве пятно велкро без всяких эмблем, а вот на груди полоска с именем: «Дж. Ханглинден». Скандинавское что-то.

Девушка была вооружена коротким автоматом с «ред дотом» на нем, который висел у нее на груди ловко и привычно. Тут уж кому чего, а у меня глаза на этом всегда задерживаются в первую очередь. Впрочем, если оружие на женщине, а женщина симпатичная, то во вторую. Эта была вполне симпатичная.

– Влад? – спросила она, протягивая руку. – Джейн.

Вот так, даже тут я с «солдатом Джейн» угадал.

– Влад, – представился я. – Как поживаете?

Рукопожатие было совсем не по-женски крепким, при этом я подсознательно ждал, что рука окажется суровой и мозолистой, но в этом ошибся – ладошка оказалась почти детской по габаритам, теплой и нежной. Молодая девушка совсем, и вся ее военная суровость заметно напускная, солидности себе нагоняет.

– «Оттер» сядет примерно через сорок минут, так ожидаем, – сказала она. – Пока можете затащить свои вещи, – она кивнула в сторону ангара с рядом подъемных ворот.

– Спасибо, – кивнул я, оборачиваясь к самолету и ныряя в багажный отсек «лайки».

Сумки, оружие... вообще-то не так уж и мало.

– Помочь? – спросила Солдат Джейн.

– У меня здесь патроны в основном, поэтому сумки тяжелые... а машину можно подогнать ближе?

– Можно взять «эль-корт», – сказала она, показав на целый ряд разношерстных тележек из тех, на которых грузчики перетаскивают холодильники, таких Г-образных, на двух колесах, или для американцев L-образных, откуда и название, стоявших у стены терминала. – Нам здесь много тяжелого приходится перетаскивать.

– О, спасибо!

Действительно, тогда все очень упрощается.

Взял тележку, навалил на нее стопкой свои сумки, самые тяжелые уложив вниз, и потащил ее следом за Солдатом Джейн, уверенно топавшей впереди и показывавшей дорогу.

Полотно одних ворот было поднято, и я обратил внимание на несколько пулевых отверстий в створке, причем по их форме было видно, что стреляли снаружи. Колеса тележки глухо стукнулись о низкий металлический порожек.

Первое впечатление от терминала изнутри – почти что шок, настолько он был огромным. Метров двести в длину, наверное, и не меньше тридцати в ширину, лес металлических колонн поддерживает крышу. Внутри и машин, и прицепов было множество, но вместе с тем между ними оставалась целая прорва свободного места, настолько просторным был этот терминал. Где-то вдалеке глухо гудел генератор, откуда-то совсем сблизил тянуло запахами кухни, но ее я не разглядел – ряд трейлеров, похоже, закрывал. А, вижу, вон столы обеденные стоят в рядок, а сама кухня тоже в трейлере.

В дальнем углу терминала, где складские полки поднимались под самый потолок, фырча двигателем, работал вилочный погрузчик, перетаскивая ящики, и лысый красномордый дядька в возрасте, одетый в потертые джинсы и клетчатую рубашку, командовал оператору погрузчика, что куда ставить.

– Куда мне дальше? – Я остановился посреди большой площадки между трейлерами, не зная куда податься.

– А я не знаю, если честно, – решительность и уверенность с Солдата Джейн чуть слетела. – Энис живет в одном трейлере со мной и еще одной девушкой, а куда вам... Вот он должен сказать. – Она с явным облегчением показала в сторону

высокого черного парня с короткой бородкой, который шел в нашу сторону.

Парень был по-настоящему высок и очень худ, поэтому казался даже не совсем настоящим, а скорее персонажем с плаката про освобождение Африки от какого-нибудь там гнета. Лицо – сплошь кости, глаза большие и вместе с тем глубоко запавшие, вроде как голодал поколениями. Одет он был так же, как и Солдат Джейн, то есть в камуфляж, при этом с первого же взгляда было件нятно, что человек он насквозь гражданский. Обычно это сразу замечаешь, надев на такого военную форму. На парне она висела как на вешалке, а тощие ноги в военных ботинках шаркали по бетонному полу.

– Теренс, – парень еще на ходу протянул руку. – У нас тут немного суетно из-за того, что готовимся к приему людей... – Он смутился, сообразив, что прозвучало двусмысленно, после чего добавил: – А вы все равно здесь остаетесь, насколько я понял, так что устраиваться будете отдельно, так?

– Надеюсь, – пожал я плечами, не до конца даже понимая, что он подразумевал под «отдельно».

– Вы же муж и жена с Энис, верно?

– Да, – после короткой паузы кивнул я, так до конца и не привыкнув к имени «Энис».

По крайней мере понял, что он имеет в виду.

– Везучие, – покачал он головой. – Нет, поймите правильно, я не о том факте, что вы сюда провалились, я о том, что... – Он поднял худые ладони с длинными пальцами в защитном жесте. – ...Ну, я бы хотел оказаться здесь с женой, а не думать о том, что... – он явно растерялся, запутавшись в словах.

– Я все понял. И сразу с вами согласен.

– О'кей, в общем, я к тому, что мы как-то устроим вас по-другому, вдвоем, надо просто пригнать еще один трейлер...

– От дилера? – спросила Солдат Джейн.

– Конечно, – усмехнулся Теренс, – откуда же еще? – он обвел рукой помещение склада, обращаясь ко мне: – Все это взято со стоянки «Ар-Ви Централ», это здесь рядом... но там запасы закончились. Так что придется ехать в центр города, к «Пирс Ар-Ви Суперсентер», там всего намного больше. Поедете? – Он вдруг внимательно посмотрел мне в глаза, и я решил, что это уже какого-то рода тест.

На слабо, что ли? Так ничего, я съезжу, если там не совсем уж рассадник тварей. Я много куда ездил, думаю, что местным такое и не снилось, что я в своих поездках повидать и встретить успел.

– Поеду, – ответил я, – было бы на чем.

– Этого у нас хватает, – вроде как успокоил он меня. – Пошли покажу, куда можно положить вещи, пока найдете себе жилье.

Терминал условно делился на три части – жилую, где стояли трейлеры, гараж, где рядами выстроились машины, все больше окрашенные в армейский зеленый цвет, и расположенную между ними общественную зону, где стояли столы для пинг-понга, пула, висели доски для дартса на колоннах, а у дальней стены было оборудовано даже что-то вроде кинотеатра – там на стене висел экран, а перед ним рядами расставлены складные стулья. А у противоположной стены я заметил стойки со штангами и гантелями, тренажеры – все правильно организовано, в общем, жить, похоже, можно.

А машин было много действительно. С десяток «джи-вагенов» разных типов, какие-то защитного цвета пикапы и три грузовика, напоминавших наши военные КамАЗы. Все с белыми силуэтами кленового листа на номерах, так что точно из канадских запасов. И заодно заинтересовали три выбивавшихся из общего стиля песочного цвета «унимога», сделанных в конфигурации «гантрак», наверное, иначе не назовешь – явно бронированные борта, откидное лобовое бронестекло и какое-то ненормальное количество пулеметов, торчащих во все стороны. На таком, наверное, нам и надо было через Грейбулл прорываться, паля со всех стволов.

– Этого нам с запасом, – перехватил мой взгляд Теренс. – Нас тут всего сорок два человека в смене, если не считать тех дней, когда сюда приходит конвой из Вайоминга, так что свободная машина всегда найдется.

– А бензин?

– У нас База все же на «нефтяных песках Атабаски» находится, а это все целиком состоит из бензина. И на самом аэродроме оказался довольно большой запас. А вообще мы берем его с местной нефтебазы, его здесь еще очень много. – Тут он переключился на актуальное: – Вот что, давайте пока свои вещи ко мне в трейлер, а чуть позже разберемся. Я бы просто здесь посоветовал бросить, у нас никто ничего не возьмет, но сегодня будут новые люди со своими вещами, будет суета, так что могут что-то перепутать и случайно прихватить ваше, а потом ищи его. Так что прошу, – он показал на небольшой серо-белый прицеп с открытой дверью. – Прямо на кухне все бросайте, и если надо что-то достать или переодеться – не стесняйтесь, у меня все равно дел полно, я пошел.

– А мне дальше куда? – немного растерялся я.

– Вход в офис видите? – Он показал на «подвесную» офисную пристройку, к двери которой вела сварная лестница. – Я там буду, просто приходите. Оружие есть?

У него было – компактный пистолет-пулемет Р90 висел у Теренса на боку. Ничего так выглядит, хоть и футуристично. Подумалось, что для летчика что-то подобное лучше всего и будет, я про это оружие читал в свое время. А у меня теперь только длинная винтовка и пистолеты. Поэтому ответил с намеком:

– Такого компактного нет, – показав при этом на его оружие, – только винтовка.

– Выдадим, – ответил он коротко. – Для пилота в самый раз.

Ну да, я и говорю.

Заволок сумки в трейлер, попутно обратив внимание на монастырский порядок в нем: все на своих местах, постель тщательно заправлена и разглажена. Как-то даже странно выглядит с поправкой на внешность самого обитателя трейлера – расхристанного и взъерошенного.

Доставать из сумок, равно как и переодеваться, я не стал, смысла нет.

Наоборот – засунул винтовку в чехол и тот примотал к сумке, пусть здесь

остаётся. И вышел наружу.

Ну что дальше? Идти к Теренсу? Ну да, что еще делать.

А правда огромный терминал, только сейчас понял, когда пешком через него двинул. Сколько здесь трейлеров и машин ни стоит, а запихать еще пять раз по столько же можно. Прямо целый поселок под одной крышей получился. Неплохо устроились, очень даже неплохо.

За мной приглядывали, оказывается. Когда подошел к лестнице, увидел, что в стеклянном скворечнике под крышей сидит, похоже, дежурный, или дневальный, наблюдающий за внутренним пространством склада. Когда мы встретились взглядами, он кивнул и слегка помахал рукой, так что я вежливо ответил тем же самым.

Лестница предсказуемо была гулкой, заставляя ставить ноги аккуратно, легкая пластиковая дверь открывалась на площадку. А за ней оказалось на удивление большое и просторное помещение, в котором сейчас находилось не меньше десятка человек, разом повернувшихся ко мне.

– Привет, – сказал я, обращаясь ко всем.

– Привет, – ответили все.

– Это Влад, муж Энис, – отрекомендовал меня Теренс. – Он будет у нас за пилота-наблюдателя.

– Привет, Влад, – почти что хором сказали люди в офисе, и это почему-то напомнило мне собрание анонимных алкоголиков: «Привет, меня зовут Влад, и я алкоголик! Привет, Влад!» Или анонимных пилотов-наблюдателей. Или анонимных мужей Энис.

Но вообще было видно, что здесь работают. Дальний угол был занят какими-то зелеными ящиками с электроникой – думаю, что это была радиостанция. Хотя бы судя по толстым кабелям, уходившим прямо в потолок. Уверен, что там установлена антенна. Возле нее дежурили двое, мужчина и женщина, одновременно помахавшие мне рукой.

Ну да, они же постоянно ведут передачи, на случай если кто-то из провалившихся сюда чужих догадался включить радио и начать искать станции. Отсюда это и делают, наверное.

В углу стояло что-то напоминающее большой копировальный аппарат, а возле него лежали стопки каких-то флаеров или черт его знает как это все назвать. Теряться в догадках мне не дали: молодой парень в очках без оправы протянул руку и представился:

- Марк, - после чего добавил, как раз показав на флаеры: - Ты и будешь, получается, разбрасывать это над дорогами.

Марк тоже военным не выглядел - невысокий, пухловатый, рано лысеющий, не слишком успешно пытающийся отрастить мужественную бороду на круглых розовых щеках. Рука у него тоже была белой, пухлой и мягкой.

- Влад, - представился и я, протянув руку за флаером и спросив заодно: - Можно глянуть?

- Конечно. - Он взял верхнюю листовку из стопки и протянул мне. - Просто объясняем, кто есть кто и куда чужому идти. Или ехать. И вот здесь, на карте, - он перевернул флаер, - обозначены наиболее опасные места. Это новое, - добавил он. - Как ни странно, а только сейчас до этого додумались. До сих пор ставили плакаты, но их сбивают, долго не стоят. А если флаерами все окрестности засыпать, то люди обязательно прочтут.

- В Баффало, я смотрю, тоже советуете добираться? - обратил внимание.

- Да, у нас же с ними соглашение.

Как-то быстро со всеми перезнакомился, никого сразу не запомнив, как обычно и бывает, понял только, что этот большой офис и есть центр жизни самой Базы. Еще заметил, что почти все люди были вооружены как минимум пистолетами, а у дверей, у выхода, виднелась самодельная оружейная пирамида, в которой хватало выстроенных в ряд автоматов. То есть причина быть настороже здесь все же имеется?

- Нападают? – спросил я у Теренса, показав на оружие.

- Начинают, – кивнул он. – Раньше только монстры, а теперь, похоже, будут проблемы еще и с бандами.

Настя мне об этом говорила, Теренс лишь подтвердил то, что я и так знаю. База уже четыре месяца как здесь работает, и только в последний, до того как она улетела в Баффало, было несколько инцидентов. Вроде не слишком впечатляющих, но что-то все же было. И это знак того, что дальше их будет, похоже, больше. Заодно вспомнились дырки от пуль в воротах.

- Я бы... – Фразу продолжать я не стал, но показал на автомат Теренса: – Если надо летать, то пригодится.

- Пошли, – махнул он рукой.

Идти пришлось недалеко – в тот «скворечник», в котором сидел дежурный, среднего роста плотный парень в цифровом камуфляже. Здесь почти все были в камуфляже, военном, однотипном, думаю, что в канадском, хоть ни у кого никаких эмблем на липучках велкро не висело. Логично, в общем, в таких местах, где стреляют, своих лучше сразу и издали отличать. И форма в этом очень сильно помогает.

- Хэнк, Влад, – представил нас с парнем другу другу Теренс. – Хэнк, выдай человеку вот такой, – он похлопал по своему Р90, – еще пистолет, патроны и форму. Он здесь остается, с нами.

- Это ты парень Энис? – с явным любопытством спросил Хэнк. – Обалдеть. Правда, что вы провалились сюда вместе, а ты вышел из сарая через полгода после нее?

- Правда, – кивнул я. – Через восемь месяцев.

- Обалдеть, – повторил Хэнк. – Нет, сюда семьями тоже проваливались, но обычно все вместе.

В общем, слухи преодолевают расстояния ничуть не хуже радиоволн. Точнее, их посредством, как я думаю. В общем, меня здесь явно ждали, и к тому же моя персона вызывает любопытство. Впрочем, у меня на их месте она бы тоже его вызывала. К счастью, Настя никому не рассказала здесь о том, что мы провалились уже второй раз и во второй мир. Иначе вообще бы проходу не было, наверное.

– Ты здесь главный по складу? – спросил я, когда Хэнк полез в штабель пластиковых контейнеров на колесиках, составленных вдоль стены.

Там же рядом был штабель зеленых ящиков, явно с оружием и патронами.

– Нет, я здесь вроде как за охрану, сейчас на дежурстве, – помотал он головой, снимая верхний ящик и со стуком опуская на пол. – У нас кто тут дежурит, тот и главный. Размер у тебя какой?

В общем, к тому времени, как «твин оттер» опустился на взлетно-посадочную полосу аэродрома и, гудя моторами, медленно и важно прирулил к своему месту за стеной мешков, я уже успел переодеться и даже вооружиться. В форме я чувствовал себя как-то неправильно, такое ощущение было, что призвали против всякого моего желания. Нет, я был готов и рад помогать новому своему анклаву, но... черт его знает. Хоть форма и удобная, а зеленоватые ботики так и вовсе выше всяких похвал, как кроссовки на ноге сидят, и ходишь в них почти бесшумно, но что-то не так, а что именно – сам не пойму. Ощущение.

При этом форма включала все – и легкий шлем с открытыми ушами, и разгрузку, именуемую «плейт-карьером», и эти самые «плейтс» – то есть плиты, которые вставляются внутрь разгрузки, превращая ее в увесистый бронезилет. Были очки, были активные защитные плоские зеленые наушники, была радиостанция, подключаемая к этим самым наушникам... в общем, оснастили как спейс-труппера. Космодесантник прямо. Может, в этой действительности и нормально, но для меня, отставшего от этой формы на целых двенадцать лет, все выглядело чуть ли не как в кино.

– Это с базы специальных сил, – пояснил Хэнк. – Армия у нас, кануков[11 - Немного ироничное самоназвание канадцев.], вооружена все же чуть-чуть попроще. И в этой действительности, и в моей.

Ну да, подобные шлемы, кажется, я видел на «дельтах» из кино про «черного ястреба», что упал. Может, и не точно такие же, но что-то вроде.

– А ты канадец?

– Да, из Торонто.

– А ваши в Баффало вроде по-граждански были одеты, – вспомнил я.

– Специально так делаем, чтобы никого не раздражать лишний раз, – пояснил он, копаясь в ящиках. – Форму здесь носим, и то не все. Люди теперь везде нервные, так что в гостях лучше выглядеть миролюбиво.

Ну да, разумно. Ладно, поносим, чего уж там.

– Тебя за трейлером уже послали? – неожиданно спросил Хэнк.

– Это уже всем известно? – поразился я, глядя на него с недоумением.

– А как же, – усмехнулся он, – у нас каждый ездит, как здесь появляется. Уже традиция.

– А, вот оно что, «прописочка», – добавил я термин по-русски. – Тогда без проблем. Только вопрос: кто-то еще со мной поедет?

– Я поеду, примерно через час сменюсь, – сказал Хэнк. – И еще пара ребят. Прикроем, ты не беспокойся.

– А как здесь вообще с тварями? Много?

– Когда как. – Он изобразил некий жест рукой, который должен был обозначать неопределенность. – Бывает много, а бывает, что исчезают, как в унитаз смыло. Возьмем «гантрак», – он показал на перевооруженный до беспредела пулеметами рейдовый «унимог», – к нему в любом случае не подойдут.

Мне опять вспомнился наш прорыв через Грейбулл. А и вправду грузовичок хороший, внушает уважение. И опять же как-то вспомнились старые американские бронетранспортеры М2 из Отстойника, на которых при этом стояло аж по три пулемета, – очень, говорят, хороши были в рейдах к границам Тьмы.

– Кстати, семь-шесть-два снайперский у вас есть? – спросил я невинно, разглядывая заодно и штабель патронных ящиков.

– Есть, а что? – кивнул Хэнк. – Штатный патрон в Канаде, для снайперов. Надо?

– Надо, у меня винтовка есть.

Патронов дали, за что большое спасибо. У меня больше охотничьи, у них все же кучность похуже, так что пусть и матчевые будут, пригодятся.

С прилетом «твин оттера» в терминале стало немного суетно, даже Настю я успел обнять всего лишь мимоходом. Новеньких прибыло всего с десятков, остальные ждали то ли сухопутного конвоя, то ли следующего рейса. Приехавшие, как я заметил, размещались не в жилых трейлерах, а в выстроившихся у торцевой стены «контейнеризованных жилых модулях» – том, что у американцев заменяет на войне палатки. Такие кирпичи-дома на две крошечные квартирки, сделанные в размерах стандартных морских контейнеров. Туалетов в них нет, бегайте в синенькие «биокабинки» в огороженном углу, душ тоже отдельно, хотя раковина, бак с водой и даже кондиционер есть в каждом. Но жилой трейлер я бы на такое не поменял, это точно.

– Сначала в контейнерах мы жили, – сказала Настя, увидев, как я их разглядываю. – Потом обнаружили стоянки с Ар-Ви и решили устроиться получше. Кстати, тебя Теренс уже запряг добывать нам прицеп?

– Об этом по радио объявили, что ли?

– Почти что, – засмеялась она. – Вместе бы поехали, но с самолетом маленькие проблемы, так что здесь должна остаться. И вообще это задание для новичков, а я здесь ветеран. Так что давай, дуй один.

– Дорогая, – я притянул ее к себе и поцеловал в висок. – Я тебя в Углегорске в такие места не брал и брать не собирался, и здесь не возьму. С чего теперь-то вдруг?

– Брать не собирался, только набегалась я с тобой и настролялась на всю жизнь, – вздохнула она. – Я тебя, конечно, спрашивать теперь буду.

– Придется, – пожал я плечами.

Она только фыркнула, но ничего не сказала. Но вообще-то я прав – шастать по нехорошим местам раньше было именно моей профессией, не ее, она была пилотом и летала. Хотя раз вытащила нас из глубокой задницы, прилетев эдаким ангелом-спасителем, в которой мы оказались в результате наших хождений. Но я за такое даже зарплату получал, так что...

– Ладно, только выбери хороший прицеп, нам в нем жить с тобой. И не слишком большой.

Ага, вот и пожелания. Немедленно начинаем их учитывать.

– Долго жить будем?

– Месяц, потом смена прилетит, – ответила она, открывая дверь прицепа, в котором жила сейчас, «дамского». – Мы здесь по два месяца дежури́м и на столько же сменяемся. И тогда домой. В нормальный, хороший дом на берегу чудесного озера. На другие два месяца спокойной жизни, чистого отпуска. Ты рад?

– Счастлив, – сказал я, не покривив душой ни на йоту.

Теперь уже она нагнулась со ступеньки, чтобы поцеловать меня, а затем ушла в трейлер переодеваться. А я поднялся в «скворечник» к Хэнку, где очистил от смазки полученный автомат, заглядывая в выданный мне мануал. Ничего так, разборка и вовсе проще простого, защелку пальцем утопил – и он весь разобрался. Его бы еще и пристрелять, но не успеваю. Кошмар и безобразие, конечно, но по опыту знаю, что в принципе на хранении армейское оружие лежит в пригодном к бою состоянии, как раз на случай чего. А то война, а тебе

еще и пристреливать. Да и дистанции применения у него...

Поприкладывался, целясь в стенку, – вроде удобно, разве что прицел на планку сел очень уж высоко от оси ствола. Это если с небольшой дистанции целиться в голову противнику в бронежилете, например, то можно и промахнуться.

Поправки учитывать надо. Ну да ладно, зато он очень компактный, а патрон все же куда мощнее пистолетного.

Потом был ланч, вполне приличный. Почти все население Базы, свободное от нарядов, собралось за выстроенными в ряд легкими садовыми столами рядом с кухней-прицепом, из которого пахло очень даже привлекательно. Хотя кормили, естественно, бургерами. Правда, мясо было прожарено хорошо, а булочки под них пекли прямо здесь, так что не «макдоналдс», тут как бы без вопросов, качество лучше некуда. И салат в качестве «бокового блюда», то есть гарнира, имелся. Толстый черный парень в белой куртке шефа и клетчатом колпаке ловко собирал бургеры, выкладывал их на маленькие штампованные подносы, рядом размещал тарелочку с салатом «коул слоу» и выставлял на стойку перед собой, откуда их и разбирали. Кофе каждый наливал уже себе сам из огромной кофеварки, причем по американской традиции кофе был никакой, одно название. А рядом был магазинный холодильник, заваленный под крышку маленькими пакетами с соками, самыми разными. Алкоголя, даже пива, не было. Оно и хорошо, наверное, раз тут вахты.

Впрочем, я как клещ вцепился в маленькую бутылку диетической колы, которую выловил из длинного низкого холодильника. Раньше я эту самую колу и не любил особо, точнее даже вовсе не любил, а вот как остался без всего такого в Углегорске, так прямо... в общем, до сих пор напиток не могу, как маньяк на нее кидаюсь, если холодная, сам себе удивляюсь.

Хэнк подсел к нам за стол, два бургера на подносе плюс огромная кружка кофе с молоком. С Настей поздоровался как старый приятель, а из ее реакции я заключил, что так оно и было, потом он повернулся ко мне:

– Готов ехать сразу, как доедим?

– Хоть сейчас, я уже почти доел. – Я ткнул пальцем в свой поднос, в котором только недопитый кофе стоял. – А кто еще?

- Джейн, Рон и Джастин еще будут... Джейн ты уже встречал, верно?

- Рыжая девушка?

Хэнк кивнул.

- Она меня встретила, - поправил я его, - как прилетел.

- Она всех встречает. Ты во-он тот «милкотс» бери, первый слева, видишь? - Он показал на зеленый пикап. - К нему трейлер цеплять удобно. Водишь хорошо? С прицепом ездил?

- Вожу хорошо, с прицепом ездил, - дал я исчерпывающий ответ. - А машину как брать? Ключи у кого? Она вообще заправлена?

- Ключей у военных машин нет, - наставительно сказал Хэнк. - Брать ее очень просто: сел и поехал. Потом поставишь на место. Машины всегда заправлены под крышку. Вернемся - дольем до пробки, даже если всего полгаллона используем.

Вот так. Действительно все просто. А с другой стороны, зачем усложнять, если здесь все на виду и людей пяти десятков не наберется? Угонит, что ли, кто-то машину? Очень даже сомнительно.

Машина была обычным пикапом «Шевроле Сильверадо» с большим дизелем и пятиместной кабиной, только крашенной в матово-защитный цвет и стоящей на грубых зеленых колесных дисках вместо пышных литых. Кузов закрыт «раковиной», в салоне все максимально просто - сиденья из серой ткани, вместо стерео - стойка радиостанции. Из бампера торчит длинная антенна, согнутая и закрепленная концом на «раковине». Да, сам бампер силовой, не пластиковый, как на гражданской машине, а железный, сварной. При желании таким и толкнуть что-то можно.

Интересно, почему его «милкотсом» назвали? Какая-то военная аббревиатура, понятное дело, но расшифровать даже прикидочно не получается. Надо будет спросить позже[12 - MILCOTS: Military / Commercial Off the Shelf - военный / коммерческий с полки; как хочешь, так и понимай. Хотя подразумевается

«милитаризованное» транспортное средство стандартной гражданской конфигурации, а не спроектированное специально под военные нужды.]

Но так все знакомо и привычно, никаких проблем не вижу. Заводится кнопкой, только перед этим надо еще тумблер повернуть. Повернул со щелчком, нажал кнопку – затарахтел дизель. Сразу же его заглушил, чтобы в терминале не вонять: на ходу потом прогреется. Ну все, готов ехать. Автомат повесил на грудь, проверил, как сидит, – нормально, рулить не мешает.

Затем подошли Хэнк и Солдат Джейн, и с ними еще двое – среднего роста худощавый парень с длинноватыми темными волосами, выбивавшимися из-под кевларового шлема, он представился Роном, и рослый, даже чуть толстоватый блондин с круглым лицом и маленькими глазами, вооруженный пулеметом, – Джастин. Хэнк представил нас друг другу, после чего вся компания полезла в «гантрак».

– Интересная машина, – сказал я, разглядывая этот странный полуоткрытый грузовик.

Двери явно бронированные, но без боковых окон, впереди бронестекло, но оно опять же откидывается, в бортах кузова явно броня, но прикрывает стрелков хорошо если до груди. А у заднего борта так и вовсе штабелек мешков с песком. Думаю, что если задний борт из броневой стали делать, то его уже не откинуть и не поднять будет.

– А это сами ставили? – спросил я, показав на сетку в рамках, поднимавшуюся над бортами.

– Сами, – сказала Солдат Джейн. – Прямо здесь. Это от тварей. А вообще это коммерческая машина, целую кучу таких на складе в порту нашли, почти случайно – такие для наемников делали, сопровождать конвои где-то в Азии. Здесь даже автоподкачки колес нет, гражданский грузовик.

– Я на «полтинник», – объявил Джастин и, пыхтя и громокая железом, полез в кузов, устроившись за крупнокалиберным пулеметом в поворотном круге.

Следом в высокую машину вскарабкались остальные, причем Солдат Джейн уселась за руль, чего я как-то не ожидал. А я метнулся за руль защитного

«шеви», едва успев пристроиться в хвост рванувшего с места «унимога», выкатившегося в быстро открывшиеся ворота.

Вильнув между мешочными укреплениями, оцетинившийся пулеметными стволами «гантрак» выскочил на узкую асфальтовую дорогу, которая вывела нас на бетонку, а уже та утащила в тихий пригород, застроенный премануфактеред-домами, то есть теми, которые построены на фабрике, а потом их привозят на трейлерах целыми блоками и устанавливают на фундамент.

И тишина, по-прежнему тишина вокруг, такая плотная, что ее даже не может разрушить рык двух дизелей. И сквозь него слышно, как поют птицы – множество птиц. Руку на отсечение – не было их здесь раньше столько, когда место было еще заселено людьми. Пройдет совсем немного времени, и все здесь будет выглядеть по-другому – начнут разваливаться дома, как разваливается любое жилье, оставшееся без человеческого присутствия, окончательно зарастут дворы, заржавеют и осядут на потрескавшихся колесах брошенные тут и там машины. Город умер, живые из него ушли, чтобы жить группами и сообществами, а групп этих не хватает на всю опустевшую землю.

Мелькнули какие-то заросшие кустами пустыри, за ними трейлеры на фундаментах, и возле них старые пикапы. А асфальт, к слову, как в нашей самой глухой глубинке: неровный и выбитый. Потом вдруг увидел кривобокий сарай, на котором было написано «Бар и Казино», отчего я чуть не выпустил руль от удивления, но как-то совладал с собой, пытаюсь вообразить, чем может быть «казино», зажатое между каким-то складом и пустырем. А возле казино два расклеванных птицами трупов, от них почти что одни кости остались, и волна трупной вони, доходящая до самой дороги. С самой Эпидемии лежат или после убиты?

– Бандиты между собой разбирались, похоже, – вдруг заговорило радио голосом Хэнка. – Недавно совсем там не было ничего. А вообще в городе много где пахнет.

Да наверняка, это я и по другим местам уже понял.

Кстати, возникло ощущение, что спутники мои тут скорее в войнушку играют, чем всерьез готовы отбиваться в случае атаки. Нет, твари им не страшны, ну а если нападут люди? Мне хорошо видно, что они в грузовике просто болтают,

секторов наблюдения никто не распределял, несутся что есть дури, развлекаются, в общем, крутыми и лихими себя ощутили. Да и военным никто из них, кроме Хэнка разве что, все же не выглядел. Так что самому бы надо внимательней, а то влипнешь с такой защитой...

Машин на проезжей части мало, почти совсем нет, они все больше у домов стоят, дороги везде свободны. С приходом Эпидемии массовые исходы разве что из больших городов происходили, люди пытались вырваться оттуда, но их не выпускали, а вот в местах поменьше все наоборот – бежать было особо и некуда и незачем, так что люди болели, умирали, и с каждым днем на дорогу выезжало все меньше и меньше машин. И так до тех пор, пока все машины не оказались на стоянках. А потом почти все и умерли, разве что те, у кого обнаружился иммунитет, уцелели. Но они или перебрались южнее, в Анклавы, или просто покинули города, в которых отключившееся электричество убило канализацию и водопровод и в которых пахло трупами из половины домов. Так что города остались пустынными и покинутыми, пригодными разве что для обитания всяких животных, ну и тварей заодно, привлеченных тенью прошедшей здесь смерти.

Потом дома вдоль дороги стали приличней, а сама дорога обзавелась аккуратными бетонными отбойниками вместо пыльной обочины и обгрызенных временем и непогодой краев асфальтового полотна. Затем был мост через Миссури, которая здесь не шире Москвы-реки, а может, даже и уже, а за мостом опять было казино, но уже чуть-чуть приличней того сарая – все же в быстросборном ангаре расположившееся, а возле него какие-то трейлеры, и мне почему-то подумалось, что в этих трейлерах на стоянке местные шлюхи должны были обслуживать игроков, причем откуда взялась такая идея – сам не пойму, я про этот город почти никогда ничего не слышал и даже о том, что здесь разрешена игра была, – ни сном ни духом.

А вот тварей я пока не видел и вроде бы даже не чувствовал. Прислушивался к «внутреннему радару», но тот никакой тревоги не поднимал. Впрочем, ехали мы слишком быстро для того, чтобы я мог что-то ощутить, «гантрак» несся на всех парах. Дорогу сидящие в нем явно знали хорошо, налететь на препятствия не боялись, хоть, может, и зря, да и сама дорога, едва мы пересекли мост над Миссури, стала широкой, прямой и повела нас сперва меж торговых центров, потом меж автомобильных «дилершипс», заправок, стоянок, стоянок и еще раз стоянок, и все это было похоже на любой другой не слишком большой город, они прямо как близнецы все. Разве что казино в других местах столько не было, а тут они в каждом квартале, да еще и с виду какие-то помойные совсем, Нью-

Васюки, блин.

Затем я увидел и вытянувшиеся вдоль дороги «мобильные дома» – Ар-Ви, построенные на базе автобусов. А нам нужны прицепы. Так, напротив прицепы, только все большие какие-то, нам на двоих такие не подойдут, пожалуй.

– На месте! – вновь на частоте возник Хэнк. – Справа смотри.

– Вижу, – ответил я.

И верно, за автобусами оказался ряд относительно небольших прицепов, стоящих прямо как надо, сцепками к проезду. «Шеви» свернул с дороги, а «гантрак» остался стоять на разделительной полосе, оцетинившись во все стороны стволами пулеметов.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

В оригинале – forward operational base. – Здесь и далее примеч. авт.

2

Nasty (Нэсти) – отвратительный, омерзительный (англ.).

3

Ride – в данном случае употреблено в смысле «подвезти», «оказия».

4

Skills – навыки, умения (англ.).

5

Ranchhand – всего лишь «помощник на ранчо» (англ.).

6

«Морские котики» – подразделения специального назначения ВМФ США.

7

Снайпер в составе подразделения. Отличается от обычного снайпера тем, что действует в интересах и по задачам подразделения. Обычно использует самозарядную винтовку повышенной кучности, рассчитанную на меньшую дальность поражения, чем винтовка снайпера.

8

Так североамериканцы именуют Афганистан либо иной «...стан».

9

Служба типа нашего МЧС.

10

Служба грузовых перевозок.

11

Немного ироничное самоназвание канадцев.

12

MILCOTS: Military / Commercial Off the Shelf – военный / коммерческий с полки; как хочешь, так и понимай. Хотя подразумевается «милитаризованное» транспортное средство стандартной гражданской конфигурации, а не спроектированное специально под военные нужды.

Купити: <https://tellnovel.com/andrey-kruz/strannik>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)